

Борис ХАЗАНОВ

АПОСТОЛ

«Идите и возвещайте благую весть
всякому созданию».

*Старик лет семидесяти, с бородой цвета плесени,
С вытекшим глазом,
Дурно пахнувший, одетый
В почти уже не существующую телогрейку
И полуистлевшие галифе,
За две сигареты, за доньшко гранёной стопки
Наговорит вам тьму небылиц.*

*Все к нему давно привыкли.
Председатель не гоняет его на работу,
Мальчишки его не трогают,
Участковый делает вид, что его не видит.
В сельской чайной официантка,
Женщина лет под сорок
Не слишком строгого поведения,
Следуя примеру Марфы,
По молчаливому уговору с поваром
Приносит ему тарелку супа,
Когда он приходит и садится в угол
За деревянной колонной с портретом Вездесущего.*

*В чайной всегда много народу.
Сидят, пригнувшись друг к другу,
В мглистом тумане,
Заказывают шницель, пахнувший трупом,
И опрокидывают стаканы, не перекрестившись.
Благочестие не свойственно русскому человеку.*

*Однажды в село прибыла экспедиция.
Бог их знает, что им было нужно.*

Кандидат наук, человек серьёзный,
Зазвал старца в избу,
Усадил за стол и налил стакан гнилушки.
Старик не стал ломаться,
Поскольку всякое даяние есть благо,
Выпил, утёрся чёрной ладонью
И вилкой долго гонялся по тарелке
За маринованным помидором,
Повествуя о небывалых днях,
О чуде рождения Младенца
И крещения в реке Иордани.
Вдруг заметил в углу крутящиеся диски
И, прервав свой рассказ,
Ударил кулаком об стол,
В гневе затрясся, упомянул Иуду
И грязно выругался.

Впрочем, старика тоже надо понять.
Тот, кому приходилось ходить под конвоем,
Кто сидел в одиночке, выносил
По утрам парашу
И судим был тайным судом Синедриона,
Тому потом всюду снятся доносы.
Может быть, он и прав.
(Одна из теорий,
Объясняющих случай с Искарриотом:
Склонность наших земляков к предательству,
Болезнь, унаследованная от времён Орды).

Однако он вскоре забылся —
Вспышка пьяного гнева погасла,
Уступив место пьяной нежности.
Он жевал помидор, утирая слёзы,
Сочившиеся из его одинокого глаза.
Кандидат наук меж тем поглядывал, морщась,
На руины его штанов, следил, как старец
Карябает ногтями хилую грудь
Под тухлявой телогрейкой,
И думал о том, почему так бывает:
Каким образом этот люмпен
Хранит в своей памяти легенды,
Созданные народом, когда он
Ещё находился под властью эксплуататоров
И мечтал о светлом будущем.
Вот откуда взялась эта сказка
Об Учителе угнетённых, о том,
Как сидел он на горе и ему внимала
Толпа, как он оживил Лазаря
И как пяти буханок хватило
Накормить всех голодных.

*Кандидат сидел, терпеливо слушал.
Но старик не оправдывал ожиданий:
Стал сбиваться, заплетающимся языком
Бормотал что-то
И под конец, плача, понёс такую
Ахинею, что пришлось встать
И выключить магнитофон.*

*Благовеститель,
По сути дела, сам давно уж не верил
В свои рассказы. Всё, что он видел,
Для него самого превратилось в сказку.
Уж он не помнил конец этой истории,
Забыл, где и когда умер Учитель,
Понёсший общее с ним наказание,
Отбывавший срок на одном лагпункте
Со стариком. Одно он запомнил,
Одна картина
По-прежнему, как живая,
Стояла перед его взором:
Море, и в море лодка,
И плывут они в ней, все двенадцать,
А навстречу им, от заката,
По воде, как по земле, идёт Учитель,
И в глазах его вечная радость,
И в улыбке его вечная тайна.*

1965

I

Посвящаю эти записки памяти Косьмы Кирилловича Тереножкина, много лет отдавшего изучению религиозного фольклора Северо-Западной России. Хочу напомнить, пользуясь случаем, об одной из главнейших идей моего учителя. Особый аспект исследований К.К. Тереножкина состоял в том, чтобы попытаться отыскать в духовных песнях, легендах, местных преданиях и поверьях то, что он называл фактической основой. Он был убеждён, что источником самых причудливых повествований всегда служат истинные происшествия. Другое дело, что реальность преобразена фантазией сказителя и традициями народного творчества. Задача исследователя — снять эти наслоения, подобно тому как реставратор снимает одну за другой позднейшие записи со старинной фрески.

Добавлю, что Косьма Кириллович решительно отвергал модные в его время представления аналитической психологии о так называемом коллективном бессознательном, которое якобы не только разоблачает себя в фольклоре разных народов как некое вместилище утраченных воспоминаний, но и диктует ему свои вне-временные образы. Можно ли каким-нибудь образом всё это проверить на практике, в эксперименте? — спрашивал Тереножкин. Нет, конечно. Для него это была фикция, метафизическая мечта, типичный пример псевдонаучной мифологии, которую хотят навязать действительности.

Случай заставил меня, однако, задуматься о том, что, собственно, мы называем действительностью. В моих руках оказался материал, где реальная подоплёка, на первый взгляд, угадывается без труда. Но эта реальность вступает в неожидан-

ное и необъяснимое противоречие с реальностью мира, в котором мы живём. Легко могу себе представить, как удивился бы мой учитель, узнав о том, что я подвергаю сомнению то, что не подлежит сомнению. Сказал бы, что я сам превращаюсь из учёного в сказителя-мифотворца. Как если бы врач, исследуя пациента, заболел сам.

Фольклористу приходится забираться в медвежьи углы, но не надо думать, что это требует особо трудных и дальних путешествий. В одну из моих поездок по Калининской области, бывшей Тверской губернии, я свёл знакомство в городе N с человеком, который отрекомендовался делопроизводителем районного совета. Он сказал, что уже двадцать пять лет занимает эту должность, начальство меняется, а он по-прежнему на своём месте. Мы сидели в привокзальном ресторане; было нетрудно опознать во мне приезжего; разговорились.

Ресторан представлял собой довольно убогое заведение с пальмами в кадках, с обязательной копией «Трёх богатырей» кисти местного живописца, с грязноватыми скатертями на столах. Несмотря на приличные цены, учреждение не пустовало. Чуть ли не о каждом из сидящих мой собеседник мог рассказать всю подноготную. «Можете мне поверить. В нашем городе треть, а то и половина трудоспособного населения нигде не работает». — «Всё же, наверное, где-нибудь числится?» — «И не числится, в том-то и дело». — «А как же борьба с тунеядством, и вообще». — «А вот так: никак, — отвечал делопроизводитель. — Да какие они тунеядцы, они не тунеядцы». — «На что же они живут?» — «А по-разному. Промышляют кто чем. В Москву ездят, в Ленинград, скупают продукты, здесь продают». Я спросил, откуда берутся деньги у тех, кто покупает. Перепродают, сказал он, деревенским. Мы ещё немного поговорили на эту тему. Был рабочий день, но делопроизводитель никуда не спешил. Я заказал ещё четыреста грамм водки и по второй порции дурнопахнущего рубленого шницеля.

У него был свой взгляд на положение дел в районе. Население уменьшается, молодёжь бежит из деревни — и пусть бежит, тем лучше. Почему же лучше, спросил я. «Воздух чище будет, — сказал он презрительно. — Народ-то у нас какой? Ему дай волю, он всё перепортит. Всякой дряни нанесут, всё загадят. Если бы не этот народ, какой бы у нас рай тут был! Работать не работают, а только ломают. И колбасу жрут». — «По-вашему, было бы лучше, если бы вовсе никого не было?» — «Безусловно. От них всё равно никакой пользы. И природа будет целей. А места у нас красивые. Я не говорю о городе, тут смотреть нечего, а вот вы поезжайте-ка в глубинку».

«Собственно говоря, я за этим и приехал», — возразил я и объяснил, чем я занимаюсь, вполне готовый к тому, что он поднимет меня на смех; упомянул, куда и к кому я держу путь. Делопроизводитель искоса поглядел на меня, подняв бровь. «Уж не к этому ли, как его». — «Вы его знаете?» — «Как не знать, его все знают. Старик со стаканчиком. Ошивался тут одно время. Да он тронутый. Его и в больницу забирали».

Я спросил: что это значит, со стаканчиком?

«Такая профессия. Обслуживание алкоголиков. Положим, вы встретились с приятелем, то есть, конечно, не вы, извините. Короче говоря, собираются мужики выпить, в горсаду на скамеечке устроились, тут он и подходит: с портфельчиком, одет прилично, гаврила на шее — я имею в виду, в галстук, — культурно, скромно; и предлагает свои услуги. У него с собой и закуска, хвостик селёдки, помидорчик-огурчик. Стакан, чтоб не пили из горла. Слово за слово, ему тоже наливают. Пустую бутылку себе, за день целую сумку наберёт. Что ж, — вздохнул делопроизводитель, — всё лучше, чем побираться. — И зевнул сладко: — Уа-ах!.. Давно его не вижу».

«Уехал в свою деревню?»

«Надо полагать. Только трудненько вам будет туда добраться, кругом сплошные болота».

Делопроизводитель вернулся к больной теме.

«Я район знаю, как свои пять пальцев. Ничего там не осталось. Одни печные трубы; избы, какие были, разобрали и увезли. У нас тут целые улицы из таких домов. Скоро весь город превратят в деревню. Эва, — и он кивнул на людей за столами, — это, как вы думаете, кто такие? Поселяне, туды их в калошу».

Ночевал я в Доме крестьянина — род ночлежки. Ехать надо было километров сорок автобусом по большаку, а там как придётся. Отправление на рассвете. Лишний раз я испытал на себе таинственное свойство нашей отечественной географии: близость расстояний обманчива; вы словно опускаетесь в воронку — чем дальше, тем глубже. Имея некоторый опыт, я вёз с собой водку, копчёную колбасу, ещё кое-какие припасы; на конечной остановке, это было довольно большое село, удалось найти подводу. Сколько-то времени спустя мужик свернул в сторону, и последний отрезок пути, километров десять, я нёс поклажу вкуче со скромной аппаратурой на себе. Светило жёлтое солнце. Я брёл где по лесной тропе, где мимо пустошей, блестящих там и сям болотной влагой, слушал пение птиц, отдыхал на пригорках. Но нельзя сказать, чтобы здесь вовсе не ступала человеческая нога; дорога, то со следами колёс, то едва различимая в густой траве, в конце концов привела меня к цели.

Это была в самом деле глухая, тайная, топкая, вся в некошенных травах, в камышах и осоке, посвистывающая и пощёлкивающая птичьими голосами, старинная наша матушка-Русь — срединная Россия, какой она была, наверное, во времена Ильи Муромца и славного князя Гостомысла, да так и осталась; выйдя к речушке, я увидел на другом берегу селение — полдюжины серых изб и сараев.

Мне повезло, под зелёными прядями ивы покачивалась почерневшая лодка. Орудия лопатообразным веслом, я перебрался через поток. Мало что осталось от бывшей деревни, и всё же делопроизводитель был не совсем прав, здесь существовал кто-то, лаяла собака, глухая старуха, выйдя на крылечко своей хибары, трясла головой в ответ на мои расспросы. Явилась и стала рядом с бабусей девочка лет семи, она довела меня до избы, к удивлению моему довольно хорошо сохранившейся: окна в наличниках, сарай, огород. Общие сенцы — направо вход в сарай, налево в избу. Позже я узнал, что к хозяину приезжает изредка дочь из Великих Лук, хочет забрать его к себе, а он ни в какую. Сам он являл собой весьма плачевное зрелище.

Нагнувшись, чтобы не расшибить лоб о притолоку, я переступил высокий порог и не сразу взглядел в полутьме чёрные голые ступни и порты сидевшего на печи хозяина.

Лохматый, отчего голова казалась очень большой, тощий и малорослый старец, сильно за семьдесят, в рубище, сивобородый, с вытекшим глазом и большими мохнатыми ушами, сполз с лежанки, стоял, почёсываясь, шевеля заскорузлыми большими пальцами ног с ногтями, похожими на когти, моргая единственным оком. Я подал ему огромные разношенные валенки, он зашаркал по избе, уселся на лавку и спросил:

«А ты кто такой будешь?»

Он делал вид, что страшно недоволен моим вторжением, но на самом деле был польщён, что гость проделал ради него такой долгий путь. Вместе с тем нетрудно было заметить, что его подозрительность была не только обычным недоверием крестьянина ко всякому постороннему. «А ты часом не из энтих?» Понятно, кого он имел в виду.

Я попробовал объяснить, зачем я здесь. Хозяин проворчал: «А чего рассказывать-то. Уже всё рассказано». — «Кому?» — «Ты святую книгу читал?» — спросил он. В доме не было никаких книг. Я спросил, читал ли он её сам. Он махнул рукой.

«Зачем мне читать. Я и так всё знаю». Таково было наше знакомство и первое впечатление о некотором смещении времён.

В этот вечер долго разговаривать не пришлось, я был измучен, для приличия посидел немного за дощатым столом перед пузатой керосиновой лампой. В углу блестел чёрный образ в жестяном окладе, за окошками стояла тьма. Старик выпил водки, подобрел; я улёгся на железной кровати, он всё ещё сидел, прикрутив фитиль, и больше я ничего не видел и не слышал. Открыв глаза, я увидел, что в горнице светло. Древние ходики показывали немыслимое время. С настенного календаря много лет никто не срывал листки. Я вышел. Дед сидел, босой и лохматый, на крылечке. Солнце блестело за лесом.

В огороде находилось дощатое отхожее место, тут же на столбе висел цинковый умывальник. Я услышал голоса, старик разговаривал с девочкой, я догадался, что её прислала старуха разузнать, что и кто. Старик охотно отвечал, словно хвастал моим визитом; выходило, что я прибыл к нему с важным и таинственным заданием. Нёс обо мне фантастическую дичь. Вот вам, кстати сказать, пример того, как действительность превращается в сказку. Я был обрадован: это обещало богатый улов. В сарае удалось отыскать старый продавленный самовар, которым обитатель избы, очевидно, никогда не пользовался. Мы позавтракали втроём, и девочка побежала домой.

Очистили стол, старик следил недобрым оком за приготовлениями. Это ещё что, спросил он.

Магнитофон, сказал я, будешь говорить, а я буду слушать.

Я придвинул к нему чашечку микрофона, нажал на клавишу, остановил, нажал на другую, послышался шорох, на всю избу раздался голос чревовещателя:

«... говорить, а я буду слушать».

«Не пойдёт».

Я остановил ленту.

«Почему?»

«Сказал не пойдёт, и всё!»

Помолчав, он снова спросил:

«А ты вообще-то. Ты кто такой?»

Я показал ему паспорт, штамп трудоустройства, вот, сказал я, видишь: научный институт. Ну и что, возразил он, они всюду.

«У него, может, и крест на грудях, а посмотришь — чёрт с рогами».

Я спросил:

«Где ты видишь у меня рога?»

II

Как я уже говорил — и охотно поделился бы своими мыслями, будь он жив, с незабвенным Косьмой Кирилловичем, — мне всё больше внушает сомнения то, что мы принимаем за действительность, о чём обычно говорят: а вот на самом деле... А что было на самом деле? Причуды пространства — здесь, на дне воронки — соединились с причудливым зигзагом времени. Я не философ и, вероятно, выражаюсь неуклюже. Я действительно заболел. Можете считать и так. Но ведь то новое и неожиданное, что завладело мною, не столько мысль, сколько чувство, интуиция, называйте как хотите, — на самом деле старо, как вся наша цивилизация. Да и не только наша: таково было мироощущение древнейших народов, такова мудрость индийцев.

Старик сказал:

«Я когда мальчонкой был, мы рыбу бреднем ловили, вон в той речке. А нонче не то что рыбу — как река называется, позабыли. Тогда она была широкая. И в озеро впадала. А теперь и озера нет».

«Куда же оно делось?»

«А Бог его знает, под землю ушло. Болото одно осталось. Может, когда и опять появится. Или удочкой. Я страсть как любил удить рыбу. Бывало, придёшь, ещё солнце не встало. Сядешь на бережку, такая кругом благодать! — Он подпёр щеку ладонью, поглядывал на катушки, мигал единственным глазом. — А как лента кончится, что будешь делать?»

«Другую поставлю».

Мы выпили, закусили; я ждал продолжения.

«Колбасу где брал, в городе, что ль? — Под городом подразумевался районный центр. — Давай ещё по одной, мать её в калошу... Давно было дело. Как сейчас помню. Было мне тогда годков этак восемнадцать. Уже усы пробивались. Красивый был, девки на меня заглядывались. Сижу я, значит, жду, когда клевать начнёт. День только ещё занимается. И ни души кругом, ни ветка шелохнёт. Вдруг поворачиваюсь, гляжу — он рядом стоит».

«Кто?»

«Чего?.. — переспросил дед, словно очнулся. — Кто стоит-то? Он и стоит, как сейчас вижу. В белой рубаше, в лаптях, у нас и лаптей-то никто не носит. Забыли давно, как лапти плести. Я говорю: это откуда у тебя? И показываю; а лапти-то новенькие. Он смеётся, сам, говорит, сплёл. А ты, говорит, вот что, парень. Ты эту ловлю брось, иди за мной, будешь человека ловить. Так и сказал».

Пауза; он снова покосился на неслышно струящуюся ленту.

«Я говорю: куды ж я пойду? Я тут родился, у меня тут и мать, и отец. Оставь, говорит, родителей своих, иди со мной. Я тебя кой-чему научу. Ну я и пошёл. Шли, шли, места вроде знакомые, каждый кустик меня знает, а тут попали незнамо куда. Пришли в деревню, он стучится, хозяин открывает; как увидал его, поклонился до земли, заходи, говорит, милости просим, учитель дорогой. Видно, знал его али молва уже досюда дошла. Переночевали, а наутро и он пошёл с нами».

Я остановил аппарат, поблагодарил старика и вышел на крыльцо. Начало припекать. По-прежнему вся деревня была как вымершая. Я спустился к топкому берегу: за стеной осоки темнела и блестела чистая вода. С наслаждением окунулся, подождал, пока высохнет голое тело.

Когда я вернулся, хозяин сидел на печи, свесив босые ноги с лежанки.

«Здорово, дедушка, отдохнул маленько?»

Он мрачно отозвался:

«Здорово...»

«Узнаёшь меня?»

Он ничего не ответил, вздохнул, слез с печи. Мы уселись друг против друга. Главное в таких случаях — дать разговориться сказителю. Довольно скоро бросилась в глаза непоследовательность его рассказа; меня не это смущало. То, что хранилось в его памяти, на ходу превращалось в импровизацию, и наоборот. Я напомнил ему, на чём мы остановились.

Теперь уже говорилось о целой компании. Он называл её «артель».

Сколько же их было, спросил я, не удержавшись.

«А кто его знает, я не считал».

Может быть, двенадцать?

«Не, — сказал он, — куды такая орава. Иногда разные. Походит, походит, и уйдёт. Ну и ступай, никто тебя не держит. А один...»

Он хитро взглянул на меня.

«Что один?»

«Один оказался сволочью!»

Я дал ему знак помолчать минутку, проверил запись; голос из магнитофона послушно повторил его слова.

Отлично; едем дальше. Верил ли он в чудеса? Мне кажется, верил; во всяком случае, верил в правдивость своего рассказа. Так я услышал от него историю о нищем; где это было, я так и не мог понять. Нищий этот сидел на крыльце сельсовета, ходить он не мог, каждое утро его приносили и сажали, вечером уносили домой. Однажды он исчез, и явился некто, рассказавший о том, что он встретил паралитика в поле, тот спокойно шёл, а на вопрос, кто его исцелил, ответил: Божий сын, учитель. После этого слава о чудотворце разнеслась по всей округе. Народ выбегал ему навстречу, как-то раз подъехала машина из участковой больницы, старая колымага довоенных времён с красными крестами, оттуда вынесли девочку, утонувшую в реке. Другой раз учитель сидел на пне, на пригорке, люди собрались вокруг, матери принесли детей, и он держал речь, — о чём, рассказчик уже не помнил.

«А всё-таки?».

«Память-то как решето. О любви говорил... Любите, говорит, все друг дружку, и больше ни о чём не заботьтесь. Что вам начальство поёт, не слушайте, начальство начальством, а вы, говорит, живите своей жизнью. Врагов любите... Если кто вдарит, не давайте сдачи, простите ему: дурак, он и есть дурак. Сам не знает, что делает. Тут одна тётка вылезла, молодая. Из района приехала. Подходит и говорит: что ж, по-твоему, и врагов народа надо любить?»

«Что же он ответил?»

«А ничего не ответил».

Я спросил, были ли женщины среди учеников.

«Само собой; женщины-то всё больше за ним и бегали. А одна вообще осталась».

III

Прошло два дня, дед был готов повествовать ещё и ещё. Материал превзошёл все мои ожидания, я даже стал опасаться, что не хватит кассет. То и дело оказывалось, что его рассказы представляют собой вариации на хорошо известные темы, чему, конечно, не следует удивляться. Как уже сказано, в доме не было никаких книг, вообще ничего, что могло бы напомнить о религии, кроме образа в красном углу; я не видел, чтобы хозяин, входя в избу, когда-нибудь перекрестился. Всё же я спросил, приходилось ли ему читать Писание.

«Чего?»

«Ты, дедушка, читать-то вообще умеешь?»

«А как же. Совсем, что ль, меня за тёмного считаешь?»

«Ну и...?»

Я хотел сказать: ты ведь мне попросту пересказываешь эту книгу. В таком случае мы имеем дело с так называемым народным православием, и можно будет соответственно интерпретировать мой материал, опираясь на классические работы К.К.Тереножкина. Собственно, я к этому и готовился.

Дед промолвил:

«Всё враньё».

«Что враньё?»

«Что там написано».

Но ведь, осторожно возразил я, дело происходило очень давно, в Палестине, две тысячи лет тому назад, и те, кто об этом сообщают, хоть и не были свидетелями, но всё-таки были учениками учеников...

«Не знаю, кто там понаписал, написать всё можно, а вот я, вот-те крест, — и он стукнул себя в грудь, — видел сам своими глазами, ходил с ним, уж мне-то не знать!»

Он добавил:

«Писать они все горазды...»

Кто — они?

«Писаря! Всё пишут да пишут».

Две тысячи лет назад, повторил я.

«Ну и что? За яйца бы их всех повесить».

Я спросил старика: верующий ли он? Он нахмурился.

«Всё сказки».

«А это что?» — и я показал на угол.

«Икона, что ль? А кому она мешает; висит и пущай висит».

Он пробормотал:

«Если бы Бог был, разве бы он это допустил?»

«Что допустил?»

«Да всё! Всё это безобразия... Вот наш старшой, вот он был как бог. Потому и сгинул».

Невозможно было добиться, где именно случились эти события, из его путаных объяснений получалось, что компания бродила где-то поблизости, может быть, в пределах одного района. Но, с другой стороны, всё как будто происходило в каком-то дальнем, глухом и неведомом краю. Мифическая география, раздвинувшая пределы нашего мира? Сакральное время, неожиданно вторгшееся в наши тусклые дни? Приведу ещё один эпизод из того, что я услышал.

Кто-то приехал на мотоцикле за учителем: звали в соседнюю деревню. Расстояние, по здешним понятиям, небольшое, километров десять; двинулись туда. Застали старуху-мать, ещё каких-то женщин, у всех красные от слёз глаза. Была там и внучка, подросток лет пятнадцати. Оказалось, что отец ездил в город по своим делам, вернувшись, слёг, посылали за фельдшерницей из медпункта, она дала таблетки, ничего не помогло. Подсев к женщинам, учитель начал их утешать, девочка вспыхнула и закричала: «Не нужны нам твои уговоры, иди откуда пришёл». И кулачком этак перед его носом. «Где покойник?» — спросил учитель (старик, как всегда, называл его «старшой»). «В погреб; завтра поп приедет, будем хоронить». — «Ну, пошли, поглядим». События развивались по известному сценарию: кругом зрители, учитель велел отворить погреб и громко позвал мёртвого. Сколько времени прошло в молчании, учитель, прочистив горло, снова: «Эй, ты! Лазарь! Выходи».

Старик утверждал, что слышал, будто старшой прибавил шопотом: выходи, а то меня убьют.

Толпа заволновалась, раздалась возмущённые возгласы, угрозы, чудотворец молчал, стоял, задумавшись, окружённый учениками, готовыми, если надо, его защитить. «Помогите ему», — сказал учитель. Его не поняли. «Вылезти помогите». — «Да ведь он помер, чего людей мутишь, мозги засираешь». Кто-то сказал: «Ишь повадились... ходят тут». — «Милицию надо позвать, — сказал другой. — Пущай неповадно будет». Ещё кто-то сказал: «Сами справимся. Ну-ка, папаша, подойди сюда. Ты вот всё людей учишь. А теперь мы тебя маленько поучим». Толпа снова зашумела, кто-то из учеников, кто похрабрее, ответил: «А вы не суетитесь. Делайте, что он говорит».

Когда уже собрались уходить, девочка встретила у околицы и попросилась уйти вместе с ними. Учитель спросил: «Как тебя зовут?» — «Марья меня зовут, Маша». — «Вот что, Маша, — сказал учитель, — ступай домой, отец твой ещё не выздоровел, будешь за ним ухаживать». — «Есть кому за ним ухаживать; а я хочу с вами... с тобой». — «Куда ж ты пойдёшь, наша жизнь походная. Мы мужики, нам и дождь, и холод не страшны». — «Нет, пойду с вами. Будь мне отцом».

«И её с собой взяли?» — спросил я.

«А куды ж денешься».

IV

Время учителя, баснословное время, о котором я только что упомянул, имело собственные будни; мало-помалу передо мной прояснился образ жизни странствующей «артели»: кормились чем придётся, ночевали в заброшенных сараях, в избах, в сельских клубах, на сеновалах. Маша не отходила от учителя ни на шаг; в первую же ночь объявила, что ляжет подле него. И в баню, и везде с ним.

«Где ж это вы мылись?»

«Где придётся. По субботам; он особо следил, чтобы разные насекомые не заводились. Люблю баньку! — сказал старик. — Старые кости погреть. Только нынче уж не попаришься».

Я опять спросил: известно ли ему, что в Евангелии есть рассказ о воскресении Лазаря? Старик махнул рукой. Наступила пауза.

«Хорошо тут у вас, — заметил я. — А как ты зимой управляешься?»

Он пожал плечами.

«Да так и управляюсь. Мы привычные. А то ещё был такой случай... Вышли к озеру. Большое, берегов не видно».

«Селигер?» — спросил я.

«А шут его знает, не помню. Да какой там Селигер, — подальше будет, теперь уж не найти. Там такие места, никто и не доберётся».

«Где — там?»

«Там, далече...»

С хитрым видом, ухмыльнувшись, он добавил:

«Если б и знал, всё равно бы не сказал!»

«Это почему же?»

«А потому — тайна! Вот, значит, пришли. А солнце уж садится. Велел нам искать переправу, а сам остался, хочу, говорит, один побыть, переночую у лесника, а завтра встретимся на том берегу. Ну искать не пришлось, выпросили у лесника баркас, сели и поехали. Четверо на вёслах, один на руле, другие так сидят, плывём этак не спеша. И ведь надо же, не расспросили как следует, думали, чего там, берег недалеко, засветло поспеем. Видим, солнце садится в тучах, ветерок поднялся, волны всё выше. И берег пропал. Совсем темно стало. Лодку нашу так и бросает, вверх-вниз, этак и перевернуться недолго. Братцы! что делать? Вдруг один говорит: а это кто там? Смотрю, фигура вдали. И вроде бы приближается. Привидение какое, или что? А это он там, хочешь верь, хочешь нет, стоит, и вода через босые ноги переплёскивается. Лица не разобрать, а только видно, что улыбается. Не пужайтесь, говорит, я с вами. Н-да, вот так».

Помолчали; старец развёл руками.

«Ну сам понимаешь, как это может быть? Чтобы человек стоял на воде. Вот ты, положим: ты можешь стоять? Это надо помешаться в уме, чтоб такое увидеть. Спятить, по-простому говоря. А на самом-то деле... на самом деле, вот-те крест!»

«Что, что на самом деле?»

«А вот ты угадай! — Он хихикнул, с хитрой сумасшедшинкой потряс корявым пальцем перед моим лицом. — То-то и оно, что человек-то был не простой! И буря затихла. И все доплыли, вот так».

«А Маша, где она?»

«Чего?»

«Ты говорил — всегда была с ним?»

«Какая Маша; не было никакой Маши».

«Она тоже с вами сидела?»

«Где?»

«В лодке!» — сказал я, теряя терпение.

Колючий взгляд. «Ты чего плетёшь-то? Какая такая Маша?»

«Девчонка — ты же сам рассказывал».

«Чего я рассказывал, ничего я не рассказывал».

Снова молчание. Сумасшедший старик. Я забарабанил пальцами по столу. Тема эта, однако, меня живо интересовала; кто знает, думал я, может, удастся разыскать вторую свидетельницу.

«Слушай, отец, — проговорил я и взял его за бороду, — если ты будешь крутить, я с тобой по-другому заговорю...»

Выпучив глаза от страха, он залепетал:

«Провалиться мне... вот-те крест...»

«То-то же, — сказал я. — Смотри у меня. — Помолчали. — Сколько ему было лет?»

«Сколько лет было? Годков тридцать. А может, пятьдесят».

«Как он выглядел?»

«Красивый был, с кудрями».

«Выходит, она жила с ним как с мужем, я правильно понял?»

«Ну жила, ну и что?»

«И он был не против?»

«А чего — не мужик он, что ли».

«Ты сказал, она была несовершеннолетняя».

«Ну и что».

«Ничего. А с другими?»

«Чего с другими?»

«С другими тоже спала?»

«Ну бывало. А чего тут такого? Коммуной жили. Твоё, моё — не было этого. Всё делили».

Я сказал:

«Хочу тебя спросить: а Маша эта. Она часом не забеременела?»

Видимо, воскресение Лазаря имело место после эпизода с хождением по водам, — другого объяснения я не могу предложить, если, конечно, не считать, что всё совершалось в особом времени, где хронологии в обычном смысле не существует.

«Вот что, — сказал я. — Где у тебя припасы? Щи будем варить».

V

Десять месяцев спустя, приехав повидаться с дедом-сказителем, я на всякий случай заглянул в райисполком к моему приятелю — делопроизводителю, и тот сообщил, что старик укатил в Великие Луки. Мне удалось связаться с дочерью; так я узнал, что на самом деле дед никуда не уезжал, а умер в своей избе довольно скоро после того, как мы виделись. Дочь увезла его хоронить в свой город, а кто сейчас живёт в его доме, неизвестно. Слышимость была плохая, разговор прервался.

Я не уверен, что застань я его в живых, я услышал бы во второй раз то же самое. Хорошо известно, что записанный однажды рассказ в дальнейшем не повторяется, сказитель прибавляет новые эпизоды, опускает старые. Мне уже приходилось упоминать о народном православии, которое никакая власть не могла истребить. В дни, когда я гостил у старика, передо мной разворачивался эпос, возможно, существующий в других изводах, в памяти и воображении других рапсодов, если они ещё живы. Вернувшись, я уселся за работу, заново сверил отпечатанный материал с магнитофонной записью, — к сожалению, в двух-трёх местах лента оказалась испорченной, — но что-то произошло: я почувствовал, что утратил желание заниматься анализом текста.

Не стану вдаваться в подробности моих тогдашних планов. О том, чтобы опубликовать мою запись, конечно, не могло быть и речи. Я собирался выступить с

предварительным сообщением на конференции о латентных феноменах культуры, представлялось весьма перспективным интерпретировать мой материал как часть специфического пространства текстов, выполняющих ряд параллельных идеологических функций, помимо официальных — газетных, школьных и прочих — текстов.

Стоило мне, однако, вспомнить моё путешествие в озёрный и болотистый край, глухую деревню, рассвет на берегу сонной речки, искры света на воде, росу, которой осыпала меня ива, услышать кашель кривого старца и его сиплый голос, — стоило только вспомнить, и мои академические проекты опали, как высохшая листва. Чуть ли вся моя наука рассыпалась в прах. Или, по крайней мере, потребовала коренного пересмотра. Представляю себе, что сказал бы, услышав это, незабвенный Косьма Кириллович.

Но мы забежали вперёд.

Мой отъезд из деревни — точнее, поход с магнитофоном и рюкзаком, в надежде встретить по пути какой-нибудь транспорт, — я наметил на завтра. Хотелось напоследок узнать, чем же всё-таки кончилась вся история, куда девался учитель, — если дед ещё был в состоянии прибавить что-нибудь к своим рассказам. Может быть, следовало сказать: к своим рассказам? Ведь прошло столько лет.

В том-то и дело. Дед говорил, что ему в то время было не больше двадцати. Теперь ему под восемьдесят. Следовательно, дело происходило до революции, в крайнем случае — в первые годы советской власти. У старика же, судя по мелким подробностям, получалось, что учитель явился и странствовал со своей командой сравнительно недавно.

Взглянём на дело с другой точки зрения. Может быть, это было явление Мессии? Второе пришествие, о котором толкуют верующие — и окончившееся неудачей? Незачем говорить о том, что подобная версия могла иметь для меня смысл и значение лишь как часть всё того же эпоса.

«Куды делся. Никуды не делся. Пропал».

«Как это, пропал».

«А вот так. Кто говорит, ушёл на север. В скиту будто бы скрывается, а какие там скиты, нигде ничего не осталось. А кто и вовсе разную чепуху понёс. Туда, дескать, вознёсся. — Он ткнул пальцем в почерневшие стропила потолка. — Куда это он вознёсся, на крыльях, что ль? Сказки всё это».

«Значит, — спросил я, — его всё-таки помнят?»

«Язык без костей — вот и болтают что взбрэндится».

«Что с ним дальше-то было?»

«Сгинул! Сгинул, и всё», — сказал дед и неожиданно всхлипнул.

После некоторого молчания:

«Что случилось... а вот то и случилось. Я тебе так скажу: у каждого бывают такие минуты, что хоть вешайся. Вдруг затосковал наш старшой, всё, говорит, ни к чему. Вот я с вами хожу, учу народ уму-разуму, я ведь русский народ люблю. Хочу, чтоб жили по совести, по человечеству, друг дружку уважали, чтобы один другому помогал. А что получается? Вот умру — они, как были, такими и останутся. И даже ещё хуже. Всё напрасно, и жизнь моя, говорит, прошла без толку. Что это я себе вообразил? Ничего тут не поделаешь и не переделаешь. Потом подумал и говорит: ступайте вы, дорогие мои, любимые, своею дорогой, возвращайтесь к родным, а я пойду моим путём, моей судьбе покорюсь».

«Так и сказал».

«Так и сказал; сам слышал, своими ушами. Мы, конечно, переполошились, дескать, как мы тут без тебя. Тогда уж и нас возьми, веди куда хочешь. Нет, говорит. Вот петух пропоёт, я с вами и распрощаюсь. Только не получилось по-евону. А может, он и об этом думал. Может, предполагал. В общем, что там говорить, арестовали его».

«Кто арестовал?»

«Ну что, что, — сказал дед, раздражаясь, — непонятно, что ль? Как людей арестовывают? Приедут ночью — и поминай как звали».

Так я и знал — этим должно было кончиться. И тут уж, разумеется, никаким мифотворчеством не пахло.

«... Ведь никто слова не скажет, никто не заступится. Да ещё потом пойдут разговоры, всё шепотком, дескать, нет дыма без огня, коли взяли, значит, за дело. А то и вовсе ни гу-гу. Им велят молчать, они и будут помалкивать, словно воды в рот набрали. Словно и не было такого человека. Какой-токой учитель — не было никаких учителей. Нет, чтобы сказать: братцы! Милые мои... это что ж такое деется! Людей хватают ни за что ни про что, а мы тут сидим и молчим. Человек добра хотел... У! — прошипел старик. — Я бы этих сук поганых, мандавошек!.. А вот я тебе так скажу: прав был наш старшой. Таким людям, как он, здесь делать нечего».

«Где — здесь?»

«В России нашей, чтоб ей черти...»

Россия большая, заметил я.

«Большая-то она большая, а всё равно найдут. Они везде. Такому человеку всё равно жить не дадут».

«А остальные?»

«Какие остальные?»

«Ты говорил — вы жили коммуной».

«Верно. Только на одном месте не жили. То в одну деревню, то в другую. Всё делили промеж собой. Только вот завёлся среди нас предатель-иуда, как бы сказать — стукач. Деньги за это получал».

«Откуда ты знаешь?»

«Откуда знаю... Меня потом тоже посадили. Обо всех спрашивали, а про иуду ни слова. Будто его и не было. Да ведь они всюду. Ты-то, небось, тоже, а?»

«Дедушка!»

«Ну ладно, не сердчай. — Он продолжал: — Вот как-то пришли в одно село, хотели в сарае переночевать. А уж там все знают, мальчишка прибежал, говорит, председатель к себе зовёт. Пошли к председателю, изба большая, под железной кровлей, сразу видно — начальство живёт. Сам стоит на крыльце, кланяется, руками разводит, милости прошу, гости дорогие. А там стол накрыт, хозяйка бегаёт туда-сюда. Учитель говорит: спасибо, только ведь мы не пьём...»

Я подлил старику, он бодро опрокинул в рот четверть гранёного стакана, отдуваясь, понюхал хлеб. Покосился на икону, хрустнул зелёным лучком.

«Председатель колхоза?»

«Ну да. Колхоз-то у него — три бабы с половиной, чего-то там ковыряют, а сам небось богатый. Сидим, кушаем. Хозяйка потчует, наливочки домашней, говорит, ведь можно? И спать, говорит, для вас приготовлено, вас в горнице положим, а друзья ваши, если хотят, можно на сеновале. Учитель поблагодарил, извините, говорит, столько хлопот вам доставили. — Что вы, что вы, это для нас большая честь, великая радость. — И вот видим, лицо у нашего старшого грустное-грустное. Посмотрел он на нас на всех и говорит: тоскует моя душа, что придётся вас покинуть. Не станет пастуха, и разбредётся стадо. А мы сидим, ничего не понимаем. Он опять обвёл всех глазами, опустил голову и промолвил: один из вас меня предаст. Ложитесь, говорит, спать, небось устали, и хозяевам отдыхать пора. А я выйду, посижу на воле».

«Не знаю, — сказал старик, — ничего-то я больше не знаю... Чтó было, как было, всё забыл. А может, проспал. Молодой был. И другие — прохрапели всю ночь. Утречком выходим, председатель сидит, и лица на нём нет. Что такое? А то, говорит, что нет больше вашего учителя. Приехала машина, вывели его и затолкали в машину. И увезли — может, в район, а может, ещё куда».

Катушки вертелись. Старик мигал своим глазом.

«Говори, отец, говори...»

«Приехали втихаря, фары потушены, собака забрехала. Спрашивают: здесь живёт такой-то? Председатель напугался, нет, говорит: не живёт он у нас, попросились переночевать, мы и пустили. — Где он? — Председатель опять: попросились-де на ночь, а кто такие, знать не знаю. — Как же это вы пустили к себе людей и не знаете, кто это. — Да пожалел, говорит, погода была плохая. И тут вдруг выходит этот. Сейчас, говорит, я его разбужу. А его и будить не надо, сам вышел из горницы. Иуда этот говорит: здравствуй, учитель! Как спалось? Подошёл к нему и в щёчку чмокнул. И вот вдруг слышат — я-то спал, ничего не слышал, а люди рассказывают, — слышат, петух в сарае закукарекал. Слыханное ли дело. На дворе темень, а он вдруг запел».

«А что же председатель?»

«Забрали, говорит, вашего учителя. Не сразу, говорит. Девчонка эта так за него уцепилась — не дам, кричит, не дам! Царапается, кусается, как бешеная. Пока её не огрели так, что она ничком повалилась».

VI

На этом, собственно, сбор материала закончился; дед впал в ступор, каждое слово надо было вытягивать из него клещами. «Говорю тебе, помер. Чего тебе ещё надо?» — «Где?» — «На этапе помер, с уголовниками везли».

А ты, хотел я спросить, тебя позже забрали? Где вы встретились, в этапной камере? Сколько ему влепили? Сколько дали тебе? Что стало с другими? С Машей?

Сказитель храпел на печи. Наутро, как уже сказано, я собрал свои пожитки, добрался до районного центра, на это ушёл целый день. Хочу повторить: страна у нас обширная, но вовсе не обязательно отправляться в далёкое путешествие. Ехать надо не вдаль, а вглубь.

Я не могу — по крайней мере, сейчас — заниматься сопоставлением моего «текста» с апокрифической литературой. С гностическими евангелиями, например. Точно так же нет у меня ни малейшей охоты обсуждать вопросы христианского вероучения, фантазировать о Втором пришествии, что-нибудь такое. Это не моя область. Нечего и говорить о том, что я отнюдь не считаю рассказы кривого рапсода чистым вымыслом, — в этом отношении я остаюсь последователем К.К.Тереножкина. Я стараюсь свести концы с концами. То, о чём я ещё раз, не боясь повториться, хочу сказать, есть всего лишь одна из версий — одно из возможных объяснений. Но я убеждён, что я прав.

Мне трудно подыскать подходящие выражения. Это скорее чувство, чем теория. Я больше не верю в то, что вне нашего, для всех одинаково текущего времени нет никакого другого времени: повторяющегося, циклического, ещё какого-нибудь. Я в это не верю, потому что соприкоснулся с другой реальностью. Много повторяется, напоминает уже известное нам. И вместе с тем всё происходит по-другому. Но это не «переписывание», не плохая копия безупречного оригинала. Это просто другой оригинал. То, что мы называем правдой, исторической достоверностью, о чём говорим: «на самом деле происходило то-то», одинаково верно и для этого, и для того, другого бытия. Но одно исключает другое. И с этим приходится как-то мириться.

Мною были предприняты кое-какие дополнительные розыски. После известных перемен появилась возможность «ознакомиться с делами». Было такое короткое время: тайная полиция приоткрыла свои архивы. Я сидел в зале для посетителей, видел людей, листавших пухлые папки. Последовал новый вызов к окошечку: меня заверили, что никакого «дела» о странствующем учителе и его спутниках не существует. Уничтожено? Нет, оно не могло быть уничтожено.

Расхрабрившись, я спросил: следственного дела нет, а как насчёт оперативного? Оперативные дела, сказал человек в погонах, не выдаются, но и этих документов нет.

«Я думаю, — добавил он, глядя на меня открытым, честным взором бывшего палача, — что такого человека попросту не существовало».

Мне не удалось найти Машу; предполагаю, что её нет в живых. Много времени и труда потребовалось, чтобы набрести на другой след. Он тоже оказался тупиковым. В городе Великие Луки я разыскал дочь старика, она развелась и жила с внучкой. Она смогла сообщить лишь то, что я уже слышал от делопроизводителя районного совета. Внучка (по странному совпадению её тоже звали Мария) никогда не видела одноглазого дедушку, вообще ничего не помнит. Несколько раз спросила меня, не путаю ли я.

Я уже ничему не удивляюсь.

2005